

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Charles S. Whitman III
Class of 1964

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССУ.

1896.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
В. И. Модестовъ. Образованіе римской расы и условия римскаго величія	1
Д. Н. Кудрявскій. Пріемъ почетнаго гостя по древне-индійскимъ правиламъ домашняго ритуала	28
И. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	61

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Н. Ренисенкампфъ. <i>H. M. Коркуновъ</i> . Пропорціональные выборы. С.-Пб. 1895	98
Н. Д. Четуніицъ. <i>Simon Askenazy</i> . Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen. 1894	111
Д. Н. Никольскій. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. <i>Ф. Мортенсъ</i> . Томъ XI трактаты съ Англією. 1811—1831. С.-Пб. 1895	117
Е. О. Карскій. Новыя труды по бѣлорусской этнографіи (за 1895 г.)	153
И. Я. Новое сочиненіе по Кирилло-Меводіевскому вопросу	163
Ө. Ө. Зигель. <i>W. R. Morfill</i> . The story of Poland. New York G. P. Putnam's sons. London. T. Fisher Unwin. 1893	195
— Книжныя новости	216
— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (<i>продолженіе</i>)	1
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	39

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Московскій Публичный и Румянцевскій музеи въ 1892—1894 годахъ	1
А. К. Ворондицъ. А. И. Незеленовъ (<i>некрологъ</i>)	6
С. Л. Итаницкій. О. А. Вершадскій (<i>некрологъ</i>)	9
В. Д. Смирновъ. И. Н. Вережнъ (<i>некрологъ</i>)	29
— А. Н. Труворовъ (<i>некрологъ</i>)	35

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Ф. Зѣлинскій. О Софоклѣ-врачѣ	49
М. П. Ростовцевъ. Двѣ метрическія надписи изъ Филиппополя	63
Ө. Г. Мищенко. Этнографія Россіи у Геродота	69
Р. Х. Ленеръ. Тридцать тирановъ	90

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	273
--	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 4-ю мая).

ЭТНОГРАФІЯ РОССІИ У ГЕРОДОТА ¹⁾.

Уже первыя главы Геродотовыхъ исторій даютъ читателю вѣрное понятіе о тѣхъ чертахъ древне-эллинскаго историка, которыя красной нитью проходятъ черезъ все его сочиненіе и дѣлаютъ его отцомъ не исторіи только, но и этнографіи.

Геродотъ пишетъ свою исторію главнымъ образомъ для того, чтобы сохранить отъ забвенія въ потомствѣ причины греко-персидскихъ войнъ V вѣка до Р. Хр., закончившихся торжествомъ эллиновъ надъ мидианцами и тѣмъ самымъ побѣдою Европы надъ Азіей.

Какъ же историкъ приступаетъ къ выполненію своей задачи? Со словъ персидскихъ начетчиковъ (Περσέων σί λόγοι) онъ сообщаетъ нѣсколько преданій о первыхъ похищеніяхъ женщинъ азіатами изъ Эллады и, обратно, эллинами изъ Азіи, какъ о первыхъ обидахъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ ожесточенную вражду между персами и эллинами. Дѣло въ томъ, что Азію съ населяющими ее народами персы издавна присваивали себѣ, эллинамъ предоставляя владѣть Европою и въ ней хозяйничать. Поэтому, когда финикійскіе купцы изъ Азіи съ товарами ассирійскими и египетскими зашли въ Аргосъ и оттуда похитили царскую дочь Іо, то по мнѣнію персидскихъ книжниковъ, это была первая обида; исходила она отъ персовъ. Но вина азіатовъ была вскорѣ искуплена тѣмъ, что нѣсколько эллиновъ, „вѣроятноѣе всего критяи“, подошли на кораблѣ къ финикійскому Тиру и тамъ похитили царскую дочь Европу. Обѣ стороны были по-видимому удовлетворены; Азіи и Европѣ оставалось жить въ мирѣ и согласіи. Но эллины на сей разъ первые совершили новую обиду:

¹⁾ Читано въ общемъ годичномъ собраніи Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи въ Казани, 17-го марта 1898 года.

они похитили въ Колхидѣ, также принадлежавшей къ Азіи, Медею, дочь тамошняго царя, и на требованіе колхидскаго владыки возвратить ему дочь и дать удовлетвореніе за обиду, отвѣчали отказомъ. Тогда Александръ, онъ же Парисъ, сынъ троянскаго царя, узнавши о такомъ происшествіи, рѣшилъ похитить Елену изъ Лакедемона въ расчетѣ на безнаказанность похищенія, ибо никакой кары не понесли и тѣ эллины, что раньше увезли Медею изъ Колхиды. Именно такого рода отвѣтъ и данъ былъ эллинскимъ посламъ въ Азіи, когда они требовали обратно Елену и еще денежную пеню за учиненное насиліе. Разобиженные отказомъ эллины подняли тогда противъ Азіи Троянскую войну и тѣмъ совершили тяжкое преступленіе передъ владѣтелями Азіи, персами: изъ за одной женщины они разгромили царство Пріама, тогда какъ персы не считаютъ похищенія женщины такимъ дѣломъ, въ которое стояло бы вмѣшиваться людямъ постороннимъ и разсудительнымъ; женщины не похитишь, разъ только сама она этого не желаетъ,—такъ разсуждаютъ персы. Къ тому же финикіяне разсказываютъ, что Іо вовсе не была похищена, но что она по своей воли вступила въ связь съ хозяиномъ финикійскаго судна, и потомъ, желая скрыть грѣхъ отъ родителей, бѣжала съ финикійскими торговцами. Записавши эти разказы, историкъ съ своей стороны не желаетъ входить въ разсмотрѣніе ихъ достоверности и, минуя нѣсколько вѣковъ доисторической, темной старины, переходитъ сразу къ исторической личности VI вѣка до Р. Хр., къ лидійскому царю Крезу, такъ какъ первымъ обидчикомъ и, значитъ, первымъ виновникомъ греко-персидскихъ войнъ историкъ считаетъ его, а не кого либо ипого (I, 1—5).

Какъ видно, Геродотъ относится съ недоувѣріемъ къ содержанію сообщенныхъ разказовъ и къ тому толкованію ихъ, которое онъ нашелъ готовымъ у персовъ и финикіянь, свѣдущихъ въ эллинской старинѣ. Однако скептицизмъ историка не идетъ настолько далеко, чтобы вычитанные или услышанные разказы совсѣмъ отвергнуть и въ свое повѣствованіе не запосить. Онъ только вслѣдъ за своими свидѣтелями обращаетъ мнѣческія имена полубогинь въ историческія личности, освобождая вымыслы отъ всего, что могло бы показаться неправдоподобнымъ. Двѣ изъ поименованныхъ женщинъ—возлюбленная самого Зевса: это Іо и Европа; Медея—мнѣческая волшебница; Елена—дочь Зевса и Леды. Всѣмъ этимъ образамъ приданы въ Геродотовскомъ изложеніи такія черты, какъ если бы они принадлежали средѣ, близкой къ автору. На протяженіи девяти книгъ

Геродота сохранено множество цѣнныхъ для исторіи и этнографіи народныхъ преданій о старинѣ и разказовъ о далекихъ земляхъ Еввопы, Азіи, Африки, благодаря этой самой готовности автора пополнять личное сравнительно ограниченное знакомство съ окружающимъ сообщеніями очевидцевъ и иныхъ свидѣтелей о прошлыхъ судьбахъ странъ и народовъ, о чудесахъ и богатствахъ невѣдомыхъ земель, о бытовыхъ особенностяхъ ихъ обитателей и т. п. Очень многое изъ того, что казалось басней или выдумкой и позднѣйшимъ читателямъ Геродота, и самому Геродоту, нашло себѣ объясненіе или же полцѣйшее подтвержденіе у путешественниковъ новаго времени или у изслѣдователей древняго Египта, Персіи, Ассиріи, Вавилоніи. Такъ, со словъ египтянъ, историкъ передаетъ невѣроятную для него, но достовѣрную на самомъ дѣлѣ подробность, что люди, плывшіе вокругъ Ливіи, имѣли солнце по правую руку отъ себя (IV, 42). Точно также не вѣрилъ Геродотъ и тому, что разказывали живущіе у нашихъ Уральскихъ горъ „плѣшивые“, будто далеко за ними — на сѣверъ или сѣверо-востокъ, — живетъ народъ, который спитъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, сообщая подъ видомъ басни смутныя свѣдѣнія о полярныхъ странахъ и о длинной зимней ночи тѣхъ странъ (IV, 25). Тоже историку нашему разказывали, будто индійцы добываютъ золото изъ лежащей къ сѣверу отъ нихъ песчаной пустыни, что въ пустынѣ живутъ огромныхъ размѣровъ муравьи. величиною немного меньше собаки и больше лисицы; муравьи эти роютъ для себя жилища въ землѣ, и песокъ, который они выбрасываютъ на поверхность, — золотой (III, 102). Вильсонъ доказалъ, что древніе индусы называли однимъ и тѣмъ же именемъ *pirilika* получаемое съ сѣвера золото и обыкновенныхъ большихъ муравьевъ; потомъ это самое имя перенесено было индусами на сурковъ Тибета, живущихъ въ норахъ и какъ-бы охраняющихъ золотой песокъ; все золото индійцы получали изъ тибетской песчаной равнины; отъ этихъ же сурковъ получилъ свое имя и горный хребетъ въ Тибетѣ, Таргабатай, тянущійся къ югу отъ Алтая. Интересу Геродота къ разказамъ чужеземцевъ и эллиновъ о томъ, что представляло какія-либо особенности по сравненію съ образомъ жизни эллиновъ, мы обязаны свѣдѣніями, въ изобиліи содержащимися въ его Музахъ, объ архаическихъ общественныхъ отношеніяхъ ликіянъ, вавилонянъ, массагетовъ, энетовъ, авсеевъ, насамоновъ, маковъ, индійцевъ и другихъ народовъ, извѣстіями о свайныхъ постройкахъ еракійцевъ (V, 16) и т. п.

Доля подлинной исторіи и этнографіи содержится и въ тѣхъ пре-

даніяхъ, которыми историкъ начинаетъ свое повѣствованіе. Такъ, подлинно-историческое въ этихъ преданіяхъ—торговья сношенія финикіянъ съ эллинами, начало которыхъ восходитъ къ до-троянскимъ временамъ; названія аргивянъ и критянъ, какъ тѣхъ эллинскихъ народовъ. сношенія которыхъ съ финикіянами были особенно дѣятельны и которые больше другихъ эллиновъ испытали на себѣ культурное вліяніе семитическаго народа. Этнографическими данными въ этихъ преданіяхъ должно считать похищенія женщинъ однимъ народомъ у другого, равно какъ и вызываемыя похищеніями распри и жестокія войны между народами, наконецъ, отмѣченное историкомъ различное отношеніе къ женщинѣ у персовъ и эллиновъ.

Хотя историкъ въ поискахъ за первой причиною греко-персидскихъ войнъ и обратился къ мифамъ и легендамъ, истолкованнымъ по своему книжными людьми, но онъ спѣшитъ перейти ко временамъ близкимъ, дѣйствительно историческимъ, къ такимъ лицамъ и происшествіямъ, относительно которыхъ гораздо легче можно бы добыть ему положительныя свѣдѣнія, нежели о временахъ Зевса и Іо, Медуи и Язона, Елены и Агамемнона, и извѣстія о которыхъ ему легче провѣрить. Предпочтительнымъ интересомъ къ сюжетамъ, близкимъ во времени, объясняется выборъ главнѣйшей задачи Геродотовой исторіи, греко-персидскихъ войнъ, отдѣленныхъ отъ времени составленія исторіи всего лишь четырьмя—пятью десятками лѣтъ. Чуть не пять книгъ изъ девяти посвящены у Геродота непрерывному, яркому, въ общемъ и во многихъ подробностяхъ достовѣрному описанію походовъ Дарія Гистаспа и Ксеркса въ земли Эллады; собственно только эта часть сочиненія обладаетъ необходимыми качествами историческаго повѣствованія.

Точно также живой интересъ автора и къ предметамъ, близкимъ въ пространствѣ, доступнымъ непосредственному наблюденію, далъ такое богатство и разнообразіе содержанія въ Геродотовыхъ Музахъ, что онѣ по справедливости могутъ считаться греческой энциклопедіей V вѣка до Р. Хр.: астрономическія и географическія свѣдѣнія въ широкомъ смыслѣ слова, описанія достопримѣчательностей въ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ авторомъ, или извѣстныхъ со словъ другихъ, будутъ ли это памятники искусства или достойныя вниманія сооруженія техники, одѣяніе, вооруженіе, пища и нравы жителей, предметы животнаго и растительнаго царства и т. д. и т. д.

Богатый запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ пѣзъ литературныхъ источниковъ, а также путемъ собственныхъ разспросовъ, самолично

произведенных осмотровъ, измѣреній и вычисленій далъ возможность автору сравнивать между собою бытовыя черты различныхъ народовъ, физическія особенности отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностей, научилъ его недоувѣрчиво относиться къ неправдоподобнымъ слухамъ и преданіямъ, а съ другой стороны предостерегалъ его и отъ слишкомъ поспѣшнаго скептицизма, ибо дѣйствительность нерѣдко превосходила по своей необычайности самые смѣлые вымыслы. Мало этого: у Геродота мы встрѣчаемся съ цѣлесообразными приемами истинно этнографическихъ изысканій. Такъ, Геродота интересовалъ вопросъ о происхожденіи колхидянъ, жившихъ въ бассейнѣ нынѣшняго Ріона на Кавказѣ, отъ египтянъ. Сначала о родствѣ двухъ народовъ онъ заключилъ изъ того, что оба они имѣютъ кожу темнаго цвѣта и волнистые волосы; но эти признаки родства показались ему недостаточными, такъ какъ ими обладали и другіе ему извѣстные народы, вовсе не состоявшіе въ родствѣ ни съ египтянами, ни съ колхидянами. „Съ бѣльшимъ основаніемъ“, продолжаетъ историкъ, „я сдѣлалъ такое заключеніе изъ того, что изъ всѣхъ народовъ совершаютъ искони обрѣзаніе только колхидяне, египтяне и эіопы“. У прочихъ народовъ обычай этотъ кажется ему позаимствованнымъ отъ египтянъ и эіоповъ. По автору и этимъ не удовольствовался. Онъ замѣтилъ еще, что „одни египтяне и колхидяне изготовляютъ полотно одинаковымъ способомъ; наконецъ, весь образъ жизни и языка обоихъ народовъ одинаковы“ (II, 104—105). Только на основаніи всей совокупности сходныхъ признаковъ Геродотъ пришелъ къ убѣжденію, что колхидяне и египтяне составляли иѣкогда одинъ народъ. Такимъ образомъ мѣсто нашего автора въ исторіи общей этнографіи, какъ науки, должно быть опредѣляемо не только количествомъ и характеромъ собраннаго имъ сыраго матеріала, но и тѣми приемами, съ соблюденіемъ которыхъ производилъ онъ первоначальные опыты этнографическихъ изысканій.

Въ тѣхъ же первыхъ главахъ исторіи содержится свидѣтельство пытливости автора, побуждающей его искать объясненія историческихъ событій въ условіяхъ прошлаго.

Конечно, намъна увѣренность Геродота въ томъ, что дѣйствительная причина нашествія мидянъ на Элладу въ V вѣкѣ до Р. X. будетъ открыта, если удастся разыскать, кто изъ противниковъ, въ какое бы то ни было далекое время, первый нанесъ обиду другому, и въ чемъ эта обида состояла: τῶν ἀδικημάτων πρῶτον I, 2 (нач.), τὴν ἀρχὴν τῆς ἔχθρας I, 5 (нач.), πρῶτον ὑπάρξαντα ἀδικῶν ἔργων I, 5, 12 (Stein). Пер-

вымъ обидчикомъ, по убѣжденію историка, былъ Крезъ и никто другой. Это убѣжденіе однако не мѣшаетъ автору обращаться къ людямъ свѣдущимъ за показаніями объ отношеніяхъ предшествовавшихъ. Поиски на сей разъ были неудачны. Не больше историческаго значенія имѣеть и другой опытъ Геродота объяснить грандіозное военное предпріятіе Дарія противъ скивовъ въ концѣ VI вѣка до Р. Х. желаніемъ персидскаго самодержца отмстить скивамъ за первую обиду, нанесенную скивами персамъ нѣсколькими поколѣніями раньше (IV, 1. 26; I, 106). Для насъ важны эти случаи, какъ примѣры той любознательности автора, благодаря которой онъ обошелъ многіе города и страны, не взирая на трудности дальнихъ путешествій въ то время, выискивалъ свидѣтелей и рассказчиковъ, знакомился съ сочиненіями предшественниковъ. Такъ, въ египетскія Оивы и Геліополь Геродотъ отправился изъ Мемфиса съ цѣлью сличить тамошніе варианты съ мемфисскими о томъ, какъ царь Псамметихъ велѣлъ вскормить двухъ младенцевъ вдали отъ людей, чтобы этимъ способомъ узнать, на какомъ языкѣ говорили первые люди (II, 13); по пути въ Елефантину онъ собиралъ свѣдѣнія объ истокахъ Нила и вообще объ Египтѣ (II, 19); всѣ старанія прилагалъ онъ къ тому, чтобы возможно удовлетворительнѣе выяснитъ себѣ причины періодическихъ разливовъ Нила (II, 28—29); для полученія точнѣйшихъ свѣдѣній объ египетскомъ Гераклѣ онъ посѣтилъ финикійскій Тиръ, а въ Аравіи бывалъ для того, чтобы летающихъ змѣй поглядѣть на мѣстѣ (II, 44; 75); онъ разыскивалъ очевидцевъ, которые могли бы удостовѣрить, есть ли море къ сѣверу отъ Европы (III, 115) и т. п. и т. п.

Та же самая любознательность обращала взоръ историка къ далекому прошлому занимавшихъ его странъ и народовъ, хотя изысканія въ этомъ направленіи были тогда еще труднѣе, нежели путешествія въ чужія земли. Въ результатѣ этого рода изысканій получилось въ Геродотовомъ сочиненіи множество народныхъ преданій, объяснительныхъ мнѣовъ, фактическихъ извѣстій о прошломъ; научная разборка этого матеріала и оцѣнка по достоинству сдѣлались возможны только въ новѣйшее время при участіи археологій, этнографій, фольклора. Въ частности о происхожденіи скивовъ въ Европѣ историкъ сообщаетъ нѣсколько легендъ или преданій, скрывающихъ въ себѣ воспоминаніе о дѣйствительныхъ взаимныхъ отношеніяхъ нѣсколькихъ народовъ (IV, 5—12). Неудержимо увлекаемый желаніемъ подѣлиться приобрѣтенными знаніями съ современниками и потомствомъ, Геродотъ обогатилъ исторію греко-персидскихъ войнъ много-

численными эпизодами, въ общей сложности составляющими больше $\frac{1}{2}$ всего сочиненія, именно: первыя четыре книги и часть пятой, съ внутренней и азіатской исторіей персидской державы, съ экскурсами въ политическую исторію отдѣльных греческихъ республикъ, съ описаніемъ чудесъ Вавилона, Египта, съ исторіей египетскихъ фараоновъ, съ пространными извѣстіями объ африканскихъ народахъ, въ томъ числѣ и о пигмеяхъ,—все это только или подготавливало читателя къ главному предмету разказа, или составляло эпизоды разнообразнаго содержанія.

Къ числу эпизодовъ принадлежитъ и повѣсть Геродота о скивахъ и нѣсколькихъ другихъ народахъ, въ то время и раньше еще занимавшихъ значительную часть территоріи нынѣшней европейской и азіатской Россіи, начиная отъ Бессарабіи и кончая не только Поволжьемъ, Приуральемъ, но и землями Сибири, и Закаспійскимъ краемъ. Относящіяся сюда извѣстія вошли въ IV-ую книгу сочиненія, наполняя собою около полутора ста главъ ея (1—144), и по своему содержанію касаются топографіи, гидрографіи, исторіи, этнографіи Скиѳіи и прилегающихъ къ ней земель съ запада, сѣвера и востока, и всѣ они приурочены къ военной исторіи Даріева похода.

Задолго до Геродота греческія республики находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ нашимъ черноморскимъ побережьемъ, на которомъ съ начала VII вѣка до Р. X. основаны были многочисленныя факторіи и колоніи. И въ то время хлѣбъ составлялъ для нашего юга главный предметъ вывозной торговли съ Элладой. Достаточно напомнить, что въ IV вѣкѣ аѳиняне получали ежегодно отъ боспорскаго владыки съ Керченскаго полуострова, не менѣе 1.000.000 пудовъ хлѣба, милліона на три и болѣе драхмъ (Demosth, ad Leptin. 31); что изъ Θεοδοσίи было однажды доставлено аѳинянамъ 2.100.000 четвериковъ пшеницы. Но отъ русскаго юга шелъ въ греческіе города не одинъ хлѣбъ: соль, рыба, скотъ, медъ и воскъ, пенька, ленъ, строевой, особенно мачтовый лѣсъ, смола, кожи, мѣха, желѣзо, янтарь, золото были обычными предметами торговли нашего юга съ эллинами. Въ обмѣнъ на сырые продукты получались въ черноморскихъ городахъ изъ Аѳинъ и другихъ городовъ оливковое масло, вино, ткани, всевозможныя подѣлки, посуда, различныя предметы роскоши и домашней утвари; изъ приморскихъ городовъ Понта греческія деньги и товары шли черезъ Скиѳію на сѣверъ, востокъ и западъ, что доказывается, напримѣръ, находками многочисленныхъ аѳинскихъ монетъ на Балтійскомъ побережьѣ. О

торговомъ пути на далекій востокъ мы знаемъ изъ Геродота: „страна до плѣшивыхъ“, говоритъ онъ, „и народы, живущіе по ея сторону ея, хорошо извѣстны. Туда ходятъ многіе скины, и отъ нихъ можно легко добывать свѣдѣнія, равно какъ и отъ эллиновъ изъ торжища Борисеена и прочихъ торжищъ на Понтѣ. Кто изъ скиновъ посѣщаль эти далекія страны, тотъ пользовался для своихъ сношеній семью переводчиками и семью языками“ (IV, 24). Есть возможность возстановить по Геродоту даже имена народовъ, лежавшихъ между эллинскими городами и крайнимъ востокомъ: скины, меланхлены, сарматы, онсагеты, ирки, аргиппей, исседоны. Золото и мѣдъ изъ Алтайскихъ и Уральскихъ горъ, камни и мѣха больше всего искушали скинскихъ и греческихъ купцовъ. Изъ Скионіи ходили торговые люди и на западъ, въ землю агаиросовъ, тоже изобиловавшую золотомъ, въ нынѣшнюю Трансильванію.

Принимая во вниманіе вышесказанное о Геродотѣ, и его любознательности и словоохотливости въ передачѣ свѣдѣній, мы легко поймемъ, почему IV книга его исторій была истиннымъ откровеніемъ для эллиновъ: на столько многочисленны, обстоятельны и разнородны были его извѣстія о Скионіи и скинахъ по сравненію съ случайными, отрывочными замѣчаніями объ этой странѣ въ предшествовавшей литературѣ. Единственный писатель, раньше Геродота посвятившій Скионіи особое сочиненіе, Аристея изъ Прокоонеса, изложилъ собственныя свѣдѣнія объ этихъ странахъ и полученныя отъ другихъ извѣстія въ фантастической поэмѣ объ Аримаспахъ (IV, 13—16).

Что отецъ исторій былъ на югѣ Россіи, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Между Бугомъ и Днѣпромъ онъ видѣлъ громадную мѣдную чашу, измѣренную имъ и сличаемую съ тѣмъ сосудомъ, который Павсанія поставилъ у входа во Фракійскій Боспоръ (IV, 81); описаніе Гилей, „лѣсной области“ на нижнемъ теченіи Днѣпра, происходитъ вѣроятно всего отъ очевидца (IV, 18; 76); послѣдующіе писатели Мела, Плиній, ораторъ Діонъ подтверждаютъ извѣстія Геродота о лѣсныхъ пространствахъ въ низовьяхъ Днѣпра. Важнѣйшія рѣки Скионіи отъ Дуная до Днѣпра обозначены въ нижнемъ теченіи съ значительною, говоря вообще, точностью (сравни нашу статью: „Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи?“—К. Старина. 1886). „Торжище борисеенитовъ“, то-есть Ольвію, онъ называетъ наиболѣе среднимъ пунктомъ Скионіи и отъ него ведетъ топографію скинскаго населенія Черноморскаго побережья (VI, 17). Любопытно при этомъ, что собственное названіе города не встрѣчается у Геродота вовсе:

Ольвію слѣдуетъ разумѣть подъ „торжищемъ борисеенитовъ“ (Βορροθηνεϊτέων ἐμπορίον), подъ „городомъ борисеенитовъ“ (Βορροθηνεϊτέων ἄστυ) или подъ „Борисееномъ“ (IV, 78); жители его называли самихъ себя ольвіополятами, такъ что имя борисеенитовъ прилагалось къ нимъ иноземцами. Городъ лежалъ близъ устья Буга, на правой сторонѣ его, въ одной верстѣ къ ю. отъ села Парутина, Ильинское тожь, въ Николаевскомъ уѣздѣ (В. В. Латышевъ, „Исслѣдованіи объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи“. С.-Пб. 1887, стр. 29). По обстоятельству извѣстій о Россіи Геродотъ не имѣлъ предшественниковъ, а потому показанія его о Скиѣи и прилегающихъ земляхъ необходимо разсматривать, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій и въ большей еще мѣрѣ разспросовъ ольвіополитовъ и иныхъ эллиновъ, а также эллизованныхъ скивовъ. На далекое разстояніе отъ Ольвіи Геродотъ не отходилъ.

Въ Геродотовыхъ извѣстіяхъ о Россіи главное мѣсто занимаетъ Скиѣія, по его представленію равносторонній четырехугольникъ, обнимающій собою приблизительно нынѣшнія губерніи: Бессарабскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую, Подольскую, Полтавскую, почти всю Кіевскую, нѣкоторыя части Черниговской, Курской и Воронежской, причемъ каждую сторону квадрата историкъ опредѣляетъ въ 20 дней пути, т. е. верстѣ въ 700 длины. Поверхность Скиѣи ровная, безлѣсная, черноземная, хорошо орошена и покрыта обильной травой. Изъ восьми главныхъ рѣкъ, упоминаемыхъ Геродотомъ, установлено тождество относительно четырехъ: Истра, Тиръ, Борисеена и Танаиса; имена прочихъ рѣкъ, главныхъ и особенно притоковъ, трудно переводимы на нынѣшнюю карту или вовсе не имѣютъ себѣ соотвѣтствующихъ въ нынѣшней дѣйствительности; многія изъ Геродотовскихъ рѣкъ не оставили, по видимому, даже никакихъ слѣдовъ въ устройствѣ поверхности тамошней территоріи (IV, 47—58). Изъ растеній историкъ называетъ хлѣбъ, разумѣтся, пшеницу и рожь, а также лукъ, чеснокъ, чечевицу, просо, ленъ, коноплю. Лошади и рогатый скотъ, именно безрогая порода быковъ, составляли важную статью хозяйства скивовъ; свиней скивы не держали совсѣмъ. Климатъ Скиѣи Геродотъ находилъ слишкомъ суровымъ, хотя онъ говоритъ преимущественно о южной ея части; историкъ удивляется, что зима стоитъ здѣсь восемь мѣсяцевъ; что море и рѣки замерзаютъ; что въ зимнюю пору толпы людей могутъ переходить по льду черезъ Керченскій проливъ безопасно (IV, 28—31). Извѣстно, что Овидій сильно страдалъ отъ скивскихъ холодовъ, когда

жилъ ссыльнымъ въ Томи, нынѣшнемъ Кюстендже въ Добруджѣ. Суровость скинскаго климата римскій поэтъ преувеличивалъ еще больше: нетающей снѣгъ, жестокая стужа, безпомощность человѣка противъ холода, несмотря на то, что онъ кутается въ шубу, оставляя открытымъ только лицо, носить шаровары. „Отъ висящаго на нихъ льда волосы звенять, когда ихъ часто встряхивать... Вино стоитъ безъ бочки, въ такомъ видѣ, какой приданъ ему сосудомъ; не пьютъ его, не зачерпываютъ, но передаютъ кусками“ (Trist. III 10, 14 сл.).

Для насъ всего интереснѣе показанія Геродота объ обитателяхъ Скиѳіи. Это—скиѳы, какъ зовутъ ихъ эллины, или сколоты на ихъ собственномъ языкѣ, саки на языкѣ персовъ. Скиѳы раздѣляются на нѣсколько народовъ: между Бугомъ и Днѣстромъ, ближе къ Бугу, сидятъ скиѳы-пахари, подъ собою имѣя ализоновъ и еще ниже каллипидовъ, или эллино-скиѳовъ. Къ сѣверу отъ нихъ въ бассейнѣ Припечи сидѣли невры. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, къ сѣверу отъ нынѣшнихъ плавней, историкъ помѣщаетъ скиѳовъ-земледѣльцевъ на пространствѣ 13.475 кв. верстъ, а къ Сѣверу отъ нихъ, отдѣленные пустыней, живутъ андрофаги. Восточнѣе скиѳовъ-земледѣльцевъ находится мѣстожительство кочевыхъ скиѳовъ, „которые ничего не сѣютъ и земли не пахутъ“, на протяженіи 490 верстъ. Восточную границу ихъ составляетъ р. Герръ, скорѣе всего верховья Донца; за этой границей жилъ главный скиѳскій народъ, царскіе скиѳы: „храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе, почитающіе остальныхъ скиѳовъ своими рабами“ (IV, 20). Далекю на с. отъ этихъ скиѳовъ, отдѣленные нѣсколькими не скиѳскими народами, каковы: савроматы, будины, эссаеты, ирки, жили еще скиѳы, „отдѣлившіеся отъ царскихъ“ (IV, 22), примѣрно у западныхъ склоновъ Алтая или въ приуральскихъ киргизскихъ степяхъ. Была-ли это дѣйствительно колонія европейскихъ скиѳовъ, основанная съ торговыми цѣлями, или „мѣста, занимаемая приуральской частью скиѳовъ“, были древнѣйшимъ пребываніемъ всей орды царскихъ скиѳовъ, и *отдѣлившимися* были тѣ царскіе скиѳы, которые жили по сю сторону Тапаса, а не на оборотъ“ (Вс. О. Миллеръ, *Осетинскіе отюды*. III, 122), что гораздо вѣроятнѣе,—во всякомъ случаѣ эти азіатскіе скиѳы составляли раньше одно цѣлое съ царскими скиѳами, а не съ какими-либо иными.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы старались разобраться по мѣрѣ возможности въ вопросѣ не столько о народности скиѳовъ вообще или отдѣльныхъ скиѳскихъ народовъ, сколько о наличности этническихъ особенностей въ средѣ народовъ, обозначаемыхъ у Геродота

именемъ скивовъ (Къ вопросу о царскихъ скивахъ. *Кіевская Старина*. 1884. Легенды о царскихъ скивахъ у Геродота. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1886, январь). Тогда мы приходили къ слѣдующимъ заключеніямъ: имя скивовъ у Геродота имѣеть значеніе не географическое, какъ у его предшественниковъ, и не этнографическое, какъ у многихъ новыхъ ученыхъ, разумѣющихъ подъ Геродотовскими скивами или монголовъ, или туранцевъ, или иранцевъ, или славянъ, или германцевъ и т. п., но политическое: именемъ скивовъ обозначенъ смѣшанный составъ населенія нашего юга, при чемъ скиво-кочевники, изъ нихъ прежде всего царскіе скивы, могли принадлежать къ группѣ урало-алтайской, а каллипиды, ализоны, скиво-пахари и скиво-земледѣльцы могутъ быть причислены къ аріійцамъ, или индоевропейцамъ; эти послѣдніе народы, равно какъ и тѣ не скивскія племена, которыя облегалі скивское населеніе съ западной, сѣверной, восточной и частью южной стороны принадлежали къ различнымъ типамъ. Въ своихъ заключеніяхъ мы основывались больше всего на поражающей всякаго читателя разницѣ въ вѣрованіяхъ и бытѣ въ средѣ скивскихъ народовъ и на замѣчаніи такого точнаго наблюдателя, какъ врачъ Гиппократъ, современникъ нашего историка. „Скивы похожи только на самихъ себя“, говоритъ онъ, „и ни на кого больше“; цвѣтъ кожи ихъ желтый; тѣла тучны и мясисты; отсутствіе бороды уподобляетъ мужчинъ ихъ женщинамъ. Вошедши въ Европу, царскіе скивы частью потѣснили на западъ, загнали далеко на югъ и на сѣверъ прежнихъ насельниковъ нашего юга, частью покорили ихъ своей власти, понизили ихъ культуру, утвердили деспотическое правленіе, охраняя себя въ то же время отъ разлагающихъ иноземныхъ вліяній, прежде всего, разумѣется, отъ вліянія эллинизма съ его свободолобіемъ и высшими культурными привычками (IV, 76). Подтверженіе своимъ заключеніямъ мы находили и въ скивскихъ преданіяхъ, въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ, какъ они сохранены намъ Геродотомъ. Данныя лингвистическія настолько скудны и разнорѣчивы, что оказываются непригодными для положительныхъ выводовъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Съ того времени по настоящее появилось въ русской литературѣ нѣсколько цѣнныхъ трудовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ нашей задачѣ: В. В. Латышева, *Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи* (С.-Пб. 1887), Вс. О. Миллера, *Осетинскіе этюды*. Ч. III (М. 1887), А. Лаппо-Данилевскаго, *Скивскія древности* (С.-Пб. 1887), графа И. Толстого и Н. Кондакова, *Древности скиво-сарматскія* (С.-Пб. 1889), составляющія II-й выпускъ

обширнаго изданія; „Русскія древности въ памятникахъ искусства“. Изъ иностранныхъ сочиненій имѣютъ важность для насъ три послѣдовательныхъ статьи Майра о Скиѣи и Даріевомъ походѣ въ Скиѣю (G. Mair, *das Land d. Skythen bei Herodot.* Saaz, 1884. *Das Land d. Skythen bei Herodot u. d. Feldzug d. Dareios in demselben.* Ibid. 1885. *Der Feldzug d. Dareios gegen die Skythen.* Ibid. 1886) и изслѣдованіе Томашека объ Аримасповой поэмѣ Аристея (W. Tomaschek, *Kritik d. ältesten Nachrichten über d. Skythischen Norden. I. Ueber d. Arimasische Gedicht des Aristeeas.* Wien. 1888).

Въ своихъ выводахъ мы наиближе подошли къ проф. В. О. Миллеру. „Не считая доказательными“, говоритъ нашъ уважаемый иранистъ, „всѣ тѣ выводы, которые до сихъ поръ были приводимы въ пользу монгольства или урало-алтайства скиѣовъ, мы этимъ еще несколько не отрицаемъ возможности того, что царскіе и кочевые скиѣи принадлежали къ не арійскому племени, какъ и полагаетъ О. Г. Мещенко. Скажемъ болѣе: это предположеніе кажется и намъ вѣроятнымъ, хотя и мы не можемъ прибавить никакого новаго довода къ числу существующихъ, въ доказательности которыхъ мы сомнѣваемся“ (о. с. 121).

Въ настоящее время, по ознакомленіи съ поименованными трудами, мы склонны еще рѣшительнѣе поддерживать нашъ тезисъ о расовомъ различіи народовъ Геродотовской Скиѣи на основаніи больше всего самого Геродота, и о непринадлежности царскихъ скиѣовъ къ семьѣ народовъ индоевропейскихъ. Необходимо тутъ-же установить, что древній историкъ непоследователенъ въ употребленіи имени скиѣовъ: подъ этимъ пменемъ скрываются у него или всѣ скиѣскіе народы, нами выше перечисленные, или только царскіе, какъ скиѣи по преимуществу, свободные или собственные скиѣи. „Численности скиѣовъ“, говоритъ историкъ, „я не могъ узнать достоверно, но слышалъ объ этомъ два разныхъ мнѣнія: одно—что ихъ очень много, и другое—что собственно скиѣовъ (ὡς Σκύθας εἶναι) мало“ (IV, 81 нач.); слѣдовательно, многіе народы носили имя скиѣскихъ условно, скорѣе всего потому, что они находились подъ властью скиѣовъ, входили, такъ сказать, въ составъ скиѣской державы. У Геродота имѣются выраженія, въ которыхъ скиѣи-земледѣльцы и подобные имъ народы еще рѣзче выдѣляются изъ скиѣовъ, какъ народы не скиѣскіе. Замѣтивши, что у Чернаго моря живутъ грубѣйшіе народы въ мірѣ, за исключеніемъ скиѣскаго, онъ немного ниже объясняетъ, что и скиѣи-то мудры собственно въ одномъ,—„все прочее не заслуживаетъ

у нихъ похвалы⁴,—въ томъ именно, что при ихъ образѣ жизни никакой врагъ не можетъ спастись бѣгствомъ, разъ только онъ вторгнулся въ Скиею, не можетъ и настигнуть скиеовъ въ погонѣ, „ибо скиеи не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣплений, но передвигаютъ свои жилища за собою, и всѣ они—конные стрѣлки изъ лука; пропитаніе добываютъ себѣ не земледѣіемъ, а скотоводствомъ, и жилища свои устраиваютъ на повозкахъ“ (IV, 46). Понятно, что характеристика „неодолимыхъ и недостижимыхъ“ скиеовъ не приложима ни къ эллинамъ-скиеамъ, ближайшимъ сосѣдямъ ольвійцевъ, ни къ скиеамъ-пахарямъ или земледѣльцамъ: какой бы народъ изъ этихъ послѣднихъ ни понимать подъ Геродотовскими именами, во всякомъ случаѣ историкъ не могъ называть отъ себя ни пахарями, ни земледѣльцами (*ἀροτῆρες, γεωργοί*) кочевниковъ, о каковыхъ только и могла идти рѣчь выше. Съ другой стороны, когда Геродотъ, не подраздѣляя скиеовъ на народы, рисуетъ ихъ чертами приличествующими кочевникамъ—каковы бѣдность, бездомность, жизнь съ семействами на повозкахъ и т. п. (I, 15. 73. II, 167. IV, 2. 11. 46. 47. 83. 97. 114. 120. 121. 127. 134. VII, 10),—то едва ли въ такихъ случаяхъ позволительно въ понятіе скиеовъ включать тѣ скиескіе народы, которые обрабатывали землю, сами питались плодами рукъ своихъ и вели торговлю хлѣбомъ (IV, 17). Насколько тѣсно въ пониманіи Геродота соединялось съ именемъ скиеовъ представленіе о народѣ кочевомъ, видно, на примѣрѣ, изъ 17-ой гл. IV-й книги, гдѣ каллипидамъ и алисонамъ усваивается образъ жизни скиескій, съ тою разницею, что они сѣютъ хлѣбъ и употребляютъ его въ пищу (*τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταῦτὰ Σκίθροι ἐκασχέουσιν, οἷον δὲ καὶ σκίθροι καὶ σκίθονται*). И тотъ же самый Геродотъ парюю строкъ ниже находитъ возможнымъ говорить о скиескихъ народахъ, наименованіе которыхъ пахарями, земледѣльцами должно бы быть несомнѣнно съ именемъ скиеовъ, какъ народа кочеваго. Такимъ образомъ, если Геродотъ въ значительной степени разсѣялъ мракъ, окутывавшій для эллиновъ страны къ сѣверу отъ Чернаго моря, если онъ расчленилъ собирательное, географическое имя скиеовъ на составныя части и выдѣлилъ ихъ изъ множества народовъ, населявшихъ европейскую и азіатскую Россію, то не менѣе вѣрно также, что въ извѣстіяхъ Геродота о Скиеи и скиеахъ этнографическое начало не проведено послѣдовательно, и подъ скиеами приходится разумѣть и у Геродота то нѣсколько народовъ различнаго этнографическаго типа и разныхъ видовъ культуры, соединенныхъ въ одну державу подъ владычествомъ скиеовъ, то одинъ народъ,

бѣдный, кочевой, живущій войною и поборами съ народовъ покоренныхъ.

Въ виду сказаннаго трудно рѣшить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ слѣдуетъ понимать подъ словомъ „скиѣскій“ въ примѣненіи къ языку какого-либо народа, къ образу жизни и т. п. Каллипиды и ализоны живутъ во всемъ такъ же, какъ и скиѣны (IV, 17); аргиппаи, андрофаги одѣваются по-скиѣски (IV, 23. 106); скиѣскіе нравы у невровъ (IV, 105); скиѣскій образъ жизни у меланхленовъ, у массагетовъ (IV, 107. I, 215); въ то же время андрофаги (IV, 18), меланхлены (IV, 20), массагеты называются народами не скиѣскими.

Немыслимо, чтобы словомъ „скиѣскіе“ обозначались черты жизни или физическое строеніе всей смѣси „скиѣскихъ“ народовъ, жившихъ различно; гораздо вѣроятнѣе, что въ этихъ случаяхъ нужно разумѣть одинъ скиѣскій народъ. Какой же именно? Какъ о скиѣвахъ собственныхъ, такъ и о народахъ, далѣе скиѣовъ сидѣвшихъ, Геродотъ говоритъ со словъ другихъ, въ большинствѣ случаевъ тоже не непосредственныхъ свидѣтелей; каждый свидѣтель сравнивалъ народъ, о которомъ его спрашивали, или со своимъ собственнымъ, или съ ближайшимъ, ему наиболѣе извѣстнымъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что массагеты, меланхлены, андрофаги сравнивались не съ тѣми скиѣнами, къ какимъ стояли близко каллипиды, алазоны или невры. „Скиѣскій“ языкъ, „скиѣская“ одежда, „скиѣское“ вооруженіе, „скиѣскіе“ нравы были не одинаковы у скиѣовъ кочевыхъ и скиѣовъ-пахарей, или у скиѣовъ царскихъ, ревниво оберегавшихъ себя отъ всего иноземнаго, или у эллиновъ-скиѣовъ, представлявшихъ собою народъ смѣшанный по крови и по всему складу жизни. Въ извѣстіяхъ Геродота и другихъ эллинскихъ писателей скиѣны изображаются то народомъ мирнымъ, безобиднымъ, справедливымъ, то воинственнымъ и хищническимъ; весьма правдоподобно, что столь несходныя свойства принадлежали различнымъ народамъ, хотя и обозначаемымъ общимъ именемъ скиѣовъ.

По словамъ Артабана, Дарій ходилъ войною на скиѣовъ-кочевниковъ (VII, 10), и отомстить Дарію за вторженіе въ ихъ страну вознамѣрились тоже кочевники (IV, 120); описаніе Даріева похода внутрь Россіи и обратно къ Дунаю преисполнено указаніями на кочевой образъ жизни воюющихъ скиѣовъ, а войну съ Даріемъ ведутъ собственно царскіе скиѣны (IV, 120. Ср. нашу статью „О царскихъ скиѣвахъ“, уже упомянутую); слѣдовательно, эти послѣдніе скиѣны были кочевниками.

Давно уже замѣчено, что Геродотъ при описаніи скивовъ имѣеть въ виду преимущественно царскихъ или господствующихъ скивовъ. Только въ примѣненіи къ нимъ понятны многія черты Геродотовскаго описанія. Военное божество они чествовали животными и человѣческими жертвами, а въ жертву приносились плѣнники, одинъ отъ каждой сотни. Людей рѣзали надъ сосудами, въ которые собирали кровь, и ею совершали возліаніе на фетишъ, каковымъ служилъ мечъ; трупамъ жертвъ отрѣзали правыя плечи и руки, и бросали ихъ высоко по сторонамъ (IV, 62). Въ пищу божеству давали очевидно ту же самую снѣдь, какою лакомились и сами. Дѣйствительно, по словамъ историка, „скивъ пьеть кровь перваго убитаго врага, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ на войнѣ, сколько бы ни было ихъ, относятъ къ царю, ибо тогда только скивъ участвуетъ въ дѣлѣ добычи, когда доставить голову неприятеля“ (IV, 64). За сими слѣдуетъ довольно обстоятельное описаніе того, какъ скивы сдираютъ кожу съ головы убитаго врага или со всего тѣла до самыхъ ногтей, какъ они выдѣлываютъ себѣ изъ человѣчьей кожи утиральники, привѣшиваемые къ верховымъ лошадямъ, плащи, въ которые и одѣваются, футляры для колчановъ, а иногда чучела, которыя укрѣпляютъ на лошадяхъ и такъ возятъ съ собою. Въ жертву богамъ приносились преимущественно лошади; въ обычаѣ были и обильныя человѣческія жертвоприношенія. Особенною пышностью по количеству жертвъ отличались поминки въ первую годовщину смерти царя. Память его чествовалась умерщвленіемъ 50-ти наилучшихъ его слугъ и въ такомъ же количествѣ лошадей; удушенныхъ юношей усаживали особымъ способомъ на трупы лошадей, устраивая такимъ образомъ подобіе цѣлой конницы, приносимой въ жертву умершему царю (IV, 72),— жертвоприношеніе, которое едва ли даже мыслимо въ средѣ земледѣльцевъ; а проф. Л. Ф. Воеводскій сопоставляетъ съ этими человѣческими гекатомбами почти тождественные обычаи дикихъ патагонцевъ (*Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобныя примѣры утилизаціи трупа*. Од. 1877). Когда погребали скивскаго царя, то вмѣстѣ съ покойникомъ клали въ могилу одну изъ его палатницъ, виночерпія, повара, конюха, любимѣйшаго слугу, вѣстовника, лошадей, первенцовъ всякаго другаго скота и золотыя чаши (IV, 71). Для народовъ, царямъ подвластныхъ, обязательно было выражать свою скорбь по умершемъ тѣмъ, что всюду, гдѣ проѣзжала погребальная колесница съ муміей царя, каждый вѣрноподанный рѣзалъ себѣ часть уха, обнажалъ голову отъ волосъ, дѣлалъ себѣ порѣзы на ру-

кахъ, расцарапывалъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалывалъ стрѣлами (IV, 71). Геродотъ же сохранилъ разказъ о жестокой расправѣ, каковую по повелѣнію царей учиняли скиѣны надъ лживыми или неискусными кудесниками: ихъ, скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, укладывали въ кучи хворосту на телѣги, запряженные быками, потомъ хворостъ зажигали, и телѣги въ пламени носились по степи, пока несчастные кудесники не сгорали, часто вмѣстѣ съ телѣгой и быками (IV, 68). При заключеніи договоровъ скиѣны прибавляютъ къ вину, которое догваривающіеся пьютъ изъ одной чаши, собственную кровь, а въ чашу погружаютъ при этомъ мечъ, стрѣлы, боевукъ сѣкиру и копье.

Не отрицая того, что осѣдлые и земледѣльческія иранцы, — или какая нибудь иная вѣтвь индоевропейской семьи, — могли переимѣнить земледѣльческій образъ жизни на кочевой, могли усвоить себѣ многія привычки кочевниковъ и соотвѣтствующіе имъ нравы, когда попали въ условія, неблагоприятныя для культурной жизни, мы отказываемся понять, какимъ образомъ иранцы или какіе-нибудь индоевропейцы могли явиться въ южную Россію, утративши окончательно первоначальный обликъ, или приобрести здѣсь въ сравнительно недолгой періодъ времени черты примитивной грубости и жестокости, тѣмъ болѣе, что здѣсь же, на нашемъ югѣ, жили другіе народы, занимавшіеся земледѣліемъ и доступные вліяніямъ эллинизма. Достоинно вниманія, что скиѣновъ земледѣльцевъ, сидѣвшихъ по лѣвому берегу Днѣпра выше Гилеи, живущіе на Гипанисѣ эллины называли бориссеонитами (IV, 18), то-есть, тѣмъ самымъ именемъ, подъ которымъ извѣстны были и настоящіе эллины, обитатели Ольвіи. Чтобы такое сближеніе скиѣновъ съ эллинами стало возможнымъ въ сознаніи эллиновъ и на языкѣ ихъ, требовалось гораздо больше сходства въ привычкахъ и въ самомъ типѣ, чѣмъ можно себѣ представить между эллинами и чуть не людоедами скиѣнами царскими.

Вотъ почему и въ настоящее время, по ознакомленіи съ поименованными выше трудами, мы не можемъ примкнуть къ иранистамъ въ вопросѣ о народности скиѣновъ, не раздѣляемъ и желанія другихъ ученыхъ причислить царскихъ скиѣновъ къ древнимъ германцамъ или къ славянамъ, не можемъ наконецъ разсматривать урало-алтайскій элементъ въ Геродотовыхъ скиѣнахъ какъ бы только вкрапленнымъ въ плотную массу арійскаго населенія нашего юга въ V вѣкѣ до Р. Х., какъ смотритъ, напримѣръ, Томашекъ. „Родство сколотовъ съ иранскими племенами“, говоритъ онъ, „не подлежитъ больше никакому со-

миѣннѣю. Всѣ тѣ извѣстія, которыя касаются физическаго строенія этого степнаго народа, равно какъ изображенія скинскихъ типовъ на греческихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ о близости скиновъ къ сакамъ съ длинными волосами и къ мидо-персамъ. Остатки языка носятъ на себѣ печать самаго чистаго иранства, при чемъ удивляетъ только склонность вставлять І вмѣсто г. Весьма грубые несомнѣнно обычаи представляютъ картину первобытнаго состоянія индогерманцевъ, приложимую также ко всѣмъ степнымъ народамъ, ибо одинаковая природа степей производитъ и одинаковыя явленія; впрочемъ и мы съ своей стороны не отрицаемъ исконныхъ соприкосновеній названныхъ народовъ съ тюркскими элементами“ (о. с., стр. 6).

Однако съ большею еще рѣшительностью высказывается Майръ за монгольство скиновъ. „Вообще совершенно невѣроятно“, говоритъ онъ, „противно всякой исторіи и этнографіи, чтобы этотъ народъ, выселившійся въ Европу изъ восточныхъ частей Киргизской степи черезъ ворота кочевниковъ между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, принадлежалъ къ индогерманскому корню. Весьма вѣроятно, что народъ, мало-по-малу передвинувшійся въ Европу изъ степей, простирающихся къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи, происхожденія тюркскаго, ибо главный слой тюркскихъ народовъ находится на Алтаѣ и въ равнинахъ, тянущихся отъ Алтая на западъ; тогда родину финновъ должно искать по обѣимъ сторонамъ Урала. Финнами не могутъ быть скоты уже на томъ простомъ основаніи, что Геродотъ, извѣстія котораго только отголосокъ показаній его свидѣтелей, ясно отличаетъ отъ скотовъ, какъ народы не скинскіе, финскія племена меланхленовъ (мордва), өссаетовъ (чуваши), ирковъ и андрофаговъ (самоѣдовъ). Не принадлежали скоты и къ тюркскому корню, ибо есть, вѣскія, можно сказать рѣшающія основанія въ пользу того, что они должны быть причислены къ монголамъ“ (о. с. 1886, стр. 26 сл.). Не говоря о наличности данныхъ въ текстѣ Геродота, не позволяющихъ сводить все разнообразіе скинскихъ народовъ къ одному этническому типу, самая непримиримость заключеній ученыхъ по вопросу о народности скиновъ обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ разнородностью этническихъ особенностей въ средѣ скинскихъ народовъ Геродота. „Въ противоположность тѣмъ“, замѣчаетъ В. Ө. Миллеръ, „которыя видятъ въ Геродотовыхъ скинахъ урало-алтайцевъ, и тѣмъ, которые считаютъ ихъ иранцами, мы, вмѣстѣ съ Ө. Г. Мищенко, предполагаемъ этническое различіе между скинами восточными,—кочевниками и царскими.—и скинами западными—земледѣльцами“ (о. с., стр. 135). Аріевъ, или

индоевропейцев слѣдуетъ по нашему мнѣнію искать не въ господствующей части скинскаго населенія русскаго юга, но въ тѣхъ поработанныхъ или подчиненныхъ пахаряхъ и земледѣльцахъ, которые позднѣйшими завоевателями были оттѣснены на западъ, придвинуты къ эллинскимъ колоніямъ и впервые стали усваивать себѣ начала европейской гражданственности; могли они быть и въ тѣхъ агаѳирсахъ, которые отличались мягкостью нравовъ и въ образѣ жизни походили на оракіянъ, а также въ неврахъ, жившихъ по Нареву и Нурцу и вѣрившихъ въ оборотней-полковъ („вовкулакъ“, Werwolf).

Говоря о народности скиноовъ, нельзя обойти молчаніемъ записанныя Геродотомъ легенды объ ихъ происхожденіи (IV, 5—12). Скинскій вариантъ съ именами Таргитая, Липоксаиса, Арпоксаиса, Колаксаиса возводитъ начало скиноовъ къ Зевсу и Борисуону; въ греческомъ вариантѣ Гераклъ вступаетъ въ связь съ туземнымъ существомъ, ехидной, въ Гилеѣ; такимъ образомъ, оба варианта приурочиваютъ начало скиноовъ къ Днѣпру, къ мѣстожительству земледѣльческихъ скиноовъ и близкихъ къ нимъ по образу жизни народовъ. Объ незаконномъ занятіи народа земледѣліемъ говорятъ упоминаемые въ скинской легендѣ священные предметы изъ золота: плугъ и ярмо; къ нимъ прибавлены босвая сѣкира и чаша для питья. Впослѣдствіи святыни перешли въ обладаніе царскихъ скиноовъ и хранились въ землѣ ихъ; вмѣстѣ со святынями перешла къ царскимъ скиноамъ и легенда, прииспособившись нѣсколько къ новымъ отношеніямъ. Однако и въ этомъ обновленномъ видѣ западное происхожденіе легенды обличаютъ встречающіяся въ ней имена: они легко объясняются изъ иранскаго, какъ Таргитай, Липоксаисъ и др. (Tomasek, о. с., стр. 7 сл., В. О. Миллеръ, о. с. III, стр. 131 сл.). По греческому варианту съ именемъ Геракла и съ упоминаніемъ его странствованій, сведены къ одному корню скиноы, гелоны и агаѳирсы. Западное происхожденіе этого варианта еще яснѣе: скиноы, земледѣльческіе конечно, сближены со своими сосѣдями агаѳирсами и родственниками гелонами; эти послѣдніе тоже были помѣщаемы на западъ (post Neuros Budini sunt et Geloni.—Amm. Marcell. XXXI, 2, 14). Едва-ли легенда поставила бы въ родственную связь съ эллинами тѣхъ скиноовъ царскихъ, которые должны были поражать и Геродота грубостью нравовъ и кровожадностью. Въ обѣихъ легендахъ царскіе скиноы или цари скиноовъ производятся отъ наимладшаго изъ трехъ братьевъ: юнѣйшимъ изъ скинскихъ народовъ на русскомъ югѣ были кочевые царскіе скиноы.

Въ какомъ отношеніи къ Геродотовымъ извѣстіямъ о скиноахъ стоятъ

такъ называемые скинскіе курганы, въ большомъ числѣ находящіяся въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской, полтавской и др., и извлекаемые изъ кургановъ предметы вещественной археологіи? Въ какой мѣрѣ этого рода предметы могутъ служить иллюстраціями къ тексту древне-греческаго историка и бытописателя? Проф. Д. Я. Самоквасовъ въ своей *Исторіи Русскаго права* (Варш. 1884. Вып. II) пользуется результатами курганныхъ раскопокъ, какъ дополненіемъ къ древнѣйшимъ литературнымъ извѣстіямъ о южной Россіи. Еще дальше проф. Самоквасова идетъ въ этомъ направленіи А. С. Лаппо-Данилевскій, въ своихъ *Скинскихъ древностяхъ* дѣлающій смѣлую попытку всесторонняго возстановленія подлинно-скинской старины.

Къ сожалѣнію, необходимо сознаться, что до настоящаго времени не удалось раскопать *ни одною* кургана въ южной Россіи, который можно было бы, хотя съ нѣкоторою вѣроятностью, отнести ко времени Геродота, и содержимое котораго можно было бы принимать за принадлежности Геродотовскихъ скиноовъ. „Ни обычай погребенія и сожженія праха“, замѣчаютъ графъ И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, „ни устройство склеповъ въ мѣстахъ, гдѣ склоны скалистыхъ холмовъ доставляли обильный камень, или земляныхъ могилъ, прикрытыхъ дубовыми брусьями и лубкомъ, не могутъ руководить въ опредѣленіи эпохъ, представляемыхъ этими курганами. Самое содержаніе могилъ, коль скоро могила не выходитъ изъ общаго ряда варварскихъ и въ частности кочевыхъ, даетъ лишь самые общіе признаки быта“ (*Древности скино-сарматскія*, стр. 84). Важнѣйшія изъ такъ-называемыхъ царскихъ могилъ, какъ напримѣръ Чертомлыцкая или Кульобская, не восходятъ глубже III—II вѣковъ до Р. Х. Терминъ „скинскій“ въ примѣненіи къ южно-русскимъ курганамъ имѣетъ пока только условное значеніе, и если позволительно соединять эти могилы съ какимъ-либо изъ народовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ, то скорѣе всего съ сарматами, смѣнившими собою скиноовъ въ припонтійскихъ степяхъ и принадлежавшими навѣрное къ индоевропейцамъ вмѣстѣ съ западными скинами, а не съ Геродотовскими скинами. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не открыто въ „скинскихъ“ могилахъ остатковъ тѣхъ конскихъ и человѣчьихъ гекатомбъ, о которыхъ говоритъ древній историкъ, не найдено чашъ, которыя скины носили у пояса. Въ русской археологіи скинскія могилы характеризуются высѣченными въ камнѣ гробницами или склепами; содержимое такихъ могилъ состоитъ изъ желѣзнаго оружія, рядомъ съ которымъ попадаетъ и оружіе изъ бронзы; за то въ большомъ числѣ содержатся въ нихъ бронзовые

украшенія, бусы каменныя, янтарныя, стекляныя, круглыя зеркала, золотыя издѣлія, предметы житейскаго обихода и роскоши, изготовленные въ греческихъ мастерскихъ или греческими и отчасти римскими художниками. или туземнаго производства, но исполненные подъ греческимъ вліяніемъ; попадаются въ этихъ курганахъ и предметы урало-алтайскаго образца. „Скисская“ археологія пока еще только въ зародышѣ, и для ея успѣховъ всего выгоднѣе, если содержимое скискихъ кургановъ будетъ классифицироваться и изучаться по различнымъ мотивамъ и точкамъ соприкосновенія съ археологическимъ матеріаломъ другихъ странъ. Геродотъ — не этнографъ въ нашемъ смыслѣ слова, и его представленія о русскомъ югѣ весьма несовершенны: черноморское побережье представляется ему въ видѣ прямой линіи, идущей съ запада на востокъ; Черное и Азовское моря увеличены больше, чѣмъ вдвое; Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ имѣютъ въ нижнемъ теченіи направленіе съ сѣвера на югъ; 700.000-ная армія Дарія проходитъ по Скиіи самыми трудными путями, переправляясь безъ всякихъ задержекъ черезъ большія, быстрыя рѣки отъ Дуная до Волги и потомъ обратно черезъ сѣверную и западную окраины Скиіи, и на всѣ эти блужданія арміи, сопровождавшіяся стычками съ непріателемъ, потребовалось немного больше 60 дней и т. д. и т. д. Соотвѣтственно тому недостаточны были свѣдѣнія нашего автора о народахъ Скиіи и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На нашей обязанности лежитъ воспользоваться хотя бы слабыми намеками древняго писателя на этнографическую раздѣльность въ средѣ населенія южной Россіи въ половинѣ V вѣка до Р. X. и по мѣрѣ возможности расчленивъ массу народовъ, которые въ понятіяхъ предшественниковъ Геродота сливались въ однородное цѣлое. Понятно, свѣдѣнія менѣе обстоятельныя и точныя могъ имѣть отецъ исторіи о странахъ и народахъ, лежавшихъ за предѣлами скискаго четырехугольника.

Откладывая до другого раза разсмотрѣніе Геродотовыхъ извѣстій о внѣ-скискихъ земляхъ Россіи, мы замѣтимъ пока, что расположеніе этихъ извѣстій у историка, большая или меньшая обстоятельность ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ находятся по всей вѣроятности въ тѣснѣйшей связи съ тѣми торговыми путями въ различныя страны, которые шли изъ Ольвіи, „срединнѣйшаго пункта“ всего Черноморскаго побережья, и которыми самыя эти извѣстія главнымъ образомъ и доходили до свидѣтелей Геродота. Сѣверо-восточный путь отъ устьевъ Буга и Днѣпра примѣрно черезъ нынѣшнія губерніи херсонскую, екатеринославскую, харьковскую, воронежскую, тамбовскую, пензен-

скую, саратовскую, самарскую, оренбургскую служилъ торговымъ цѣлямъ Геродотовскихъ скиновъ и эллиновъ едва-ли не больше, нежели путь вдоль Днѣпра и Буга; по крайней мѣрѣ въ сѣверовосточномъ направленіи отецъ исторіи называетъ наибольшее число народовъ и мѣстностей. Есть основаніе предполагать даже, что отъ какихъ-нибудь „плѣшивыхъ“, жившихъ по отрогамъ Урала и въ киргизскихъ степяхъ торговыя сношенія велись съ сибирскими землями съ одной стороны и съ сѣверомъ Индіи съ другой.

⊙. Мищенко.